Материалы Международной научно-практической конференции «1917 ГОД В СУДЬБЕ РОССИИ». 30 июня 2017, г. Тула.

УДК 930.85(908)

Панин А.С.[1]

ГОРОДСКАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ ПОСЛЕ 1917 ГОДА ПО МАТЕРИАЛАМ ТУЛЬСКОГО НЕКРОПОЛЯ

Тульский историко-архитектурный музей

Panin A.S.

CITY DAILY LIFE AFTER 1917 ON MATERIALS OF TULA NECROPOLIS

Tula Historical and Architectural Museum

Реферат: Автор рассматривает Тульский некрополь и метрические книги как уникальный источник по истории города Тулы после 1917 года. Значимость некрополя как источника особенно велика при изучении тех периодов истории или исторических явлений, которые не в полной мере находят отображение в письменных источниках. Обстоятельства смерти и погребения достаточно полно характеризуют повседневность Тулы революционной эпохи.

Ключевые слова: Тульский некрополь, исторический источник, метрические книги, революция, городская повседневность, изменения в повседневной жизни.

Abstract: The author considers the Tula necropolis and metric books as a unique source on the history of the city of Tula after 1917. The importance of the necropolis as a source is especially great when studying those periods of history or historical phenomena that are not fully reflected in written sources. The circumstances of death and burial quite fully characterize the daily life of Tula of the revolutionary era.

Keywords: Tula necropolis, historical source, metric books, revolution, city daily life, changes in everyday life.

[1] Панин Алексей Станиславович — канд. ист. наук, заведующий отделом «Тульский некрополь», МБУК «ТИАМ» (Тульский историко-архитектурный музей).

Тульский некрополь это «кладбища с историей», двухвековую историю трёх тульских городских кладбищ документируют самые разнообразные источники. Кроме надгробий, представляющих собой памятники материальной культуры и свидетельства культуры духовной, помимо биографий погребенных сюда относится всё, что, так или иначе, отражает историю кладбища, связанно с обстоятельствами смерти и погребения [17, с. 21—25].

В целом сам некрополь как «носитель информации о прошлом» становится тем историческим источником, которой существенно дополняет представления о жизни людей прежнего времени, позволяет воссоздать некоторые элементы того, что в прошлом воспринималось как нечто обыденное или повседневное. «Повседневная жизнь людей, относящихся к разным социальным категориям, составляет важную часть истории» [11, с. 5].

Значимость некрополя как источника особенно велика при изучении тех периодов истории или исторических явлений, которые не в полной мере находят отображение в письменных источниках. В революционном 1917 году история в нашей стране начинает активно твориться прежде «безмолвствующим большинством» и, как в Средние века, только отчасти фиксируется на бумаге. Точнее, имеющийся сегодня корпус письменных источников по Октябрьской революции 1917 года (как и предыдущей Февральской) достаточно противоречив и не в полной мере отражает происходившие в нашей стране события, особенно повседневную жизнь рядовых граждан. Однако эпоху порой куда более выразительно характеризуют не столько обстоятельства жизни сколько обстоятельства смерти человека.

Советская власть была установлена в Туле 7 декабря 1917 года. «Тула была самым последним губернским городом Центрального промышленного района, в котором к власти пришли большевики…» [18, с. 271]. Но, по сути, революция в 1917 году для большевиков не закончилась, процесс установления новой власти в «губернском городе» оказался долгим и сложным.

История тульского Всехсвятского кладбища становится своеобразным отражением происходивших в Туле исторических событий. Например, по некоторым свидетельствам в 1918—1919 гг. появляются братские захоронения для рядовых граждан на всех, существующих с конца XVIII столетия, городских кладбищах Тулы. Братские могилы или «скудельницы» как их называли на Руси, для русской погребальной традиции в целом нетипичны. Они возникают в случае масштабных бедствий — как правило, в случае войн или

эпидемий, предназначены для павших воинов. Братские могилы мирных граждан, многозначительный символ революционной эпохи, не сохранились. Тем не менее, остались некоторые косвенные свидетельства об обстоятельствах смерти и погребения в Туле после 1917 года, мы можем изучить их используя материалы Тульского некрополя и прежде всего — метрические книги (третья часть «о умерших»).

В конце 1917 года в Туле складывается непростая политическая ситуация. Советская власть была провозглашена партией большевиков имеющих меньшинство в тульском Совете и не имеющих значительной поддержки в городе. В протоколе заседания Тульской городской думы 7 декабря 1917 года в связи с «установлением советской власти» была сделана запись: «…большевики пустили в ход демагогию. Во время обсуждения продовольственного вопроса, член Совета Рабочих депутатов Каминский предложил Совету вынести постановление о передаче всей власти Советам. Социал-демократы, меньшевики и социал-революционеры протестовали против этого предложения, как не стоявшего на повестке… с их мнением большевики считаться не стали. Тогда фракции социал-демократов, меньшевиков и социал-революционеров покинули заседание… В отсутствии этих фракций вотирована [т. е. установлена путём голосования] власть Советов…» [7, с. 10]. На заседании тульской Думы была принята резолюция ставшая основой для воззвания, которое предполагалось распечатать и немедленно распространить в городе. «Городская Дума постановила… власти ленинцев не признавать и продолжать свою работу как избранникам от всего населения г. Тулы на его благо…» [7, с. 10].

Парадоксально, что «захват власти большевиками» в это время не просто не расценивался как «установление советской власти» но даже мог восприниматься как «контрреволюция». После того как опираясь на вооруженную силу, большевики захватили типографию и воспрепятствовали распространению воззвания думцев в городе, 8 декабря 1917 председатель Думы Восленский произнёс речь. Он подчеркнул, что в качестве ответной меры «не следует применять физической силы», «нужно уберечь население от войны» - ведь ко всему прочему «мы имеем право подозревать, что руководители большевизма ведут тёмные силы к царизму…» [7, с. 10]. Вероятно, имелось в виду, что как только «контрреволюционная» сущность большевиков станет очевидной, революционно настроенные граждане перестанут их поддерживать и власть вернётся мирным путём к законным её представителям.

Пока же, зимой 1917—1918 года, законопослушные граждане могли выбирать какая власть в Туле самая главная. Как осторожно выражались впоследствии лояльные к большевикам хроникёры, наступила «переходная стадия в истории организации Советской власти в Тульской губернии» [7, с. 12]. Одновременно в городе оружейников «ещё существует, но уже не удел» Губисполком временного правительства (прекратил работу в феврале 1918 г.) и две делящих «полноту власти» организации вышедших из состава Совета Рабочих и Солдатских депутатов — Комитет народной борьбы с контрреволюцией и Военно-Революционный комитет (при тульской большевистской организации) [7, с. 13].

Организованный меньшевиками и социал-революционерами («эсерами») в октябре 1917 года «в заседании от 8-го декабря Комитет борьбы пытается отстоять своё юридическое право на сохранение, поскольку как говорит тов. Пестун в основании новой власти участвовал не целый совет… но только большевистская его часть…» [7, с. 17].

У тульских «эсеров» были собственные вооружённые формирования, эти «дружины» на основании достигнутой в октябре 1917 договорённости с большевиками «несли работу по охране города» вместе с Красной гвардией ещё до перехода власти к Советам. Губисполкому временного правительства подчинялась городская милиция. Городские службы и учреждения Тулы могли выбирать, кому подчиняться. «Были учреждения которые открыто стояли на стороне Временного правительства, напр[имер] Комитет Сызрано-Вяземской железной дороги…» [7, с. 15].

В ходе «переходного периода» по воспоминаниям современников город «распустился донельзя; выстрелы, ограбления получили право гражданства; каждая ночь приносит грабежи, вооружённые нападения, экспроприации…» [7, с. 12]. Несогласие с новой властью принимало различные формы. Оппозиции из числа меньшевиков и эсеров приписывалась организация крёстного хода. «В первых числах января 1918 года был организован даже крёстный ход, чтобы разгромить продовольственный аппарат, по вине которого, по словам меньшевиков и эсеров, будто и хромает дело снабжения рабочих продуктами…» [19, с. 28]. Неудовлетворительность «снабжения рабочих продуктами» не удавалось объяснить исключительно происками меньшевиков и эсеров. Как писала газета «Правда» в 1918 году «голод довёл рабочих Тулы до полного отчаянья, рабочие метались, ища выхода и тех форм, в каких они могли бы вылить свою острейшую нужду в хлебе…» [15,

с. 41]. Недовольство рабочих заставляло прибегать к крайним мерам. «Рабочие требовали хлеба, а хлеба не было. Работать пришлось сразу по военному методу…» [19, с. 74].

Повседневная жизнь рядовых граждан начала меняться уже в 1917 году, но после захвата власти большевиками в Туле и их действий «по военному методу» изменения становятся всё более заметными. «Нож революции резал старую жизнь во всех направлениях, во всех частях» [7, с. 1].

Зимой 1918—1919 гг. когда «нож революции» решительно кроит старую жизнь, а повседневность в Туле оказывается на грани полулегальности и криминальности, прежняя пенитенциарная система оказывается для большевиков бесполезной. В это непростое для Тулы время «заявила о себе» городская тюрьма. «Арестованные требовали себе амнистии, будучи уверены, что амнистия уже объявлена…» [7, с. 15].

Тульская губернская тюрьма (или «тюремный замок»), сохранившаяся до сегодняшнего дня, была построена во второй половине XIX века за Киевской заставой взамен снесенной старой городской тюрьмы («острога»), стоявшей в конце нынешней улицы Жуковского. Тюремное здание было каменным, состояло из 4 этажей, включая подвальный, имело железную крышу (сейчас здание занято СИЗО-1). Здесь же на казенные средства был сооружен храм с одним престолом во имя Покрова Пресвятой Богородицы. Церковь была построена в 1860—1861 годах и закрыта в 1921 году. В «Тульском Синодике» упоминается священник Покровской тюремной церкви в Туле Казанский Иван Васильев [16, с. 74]. Именно он осуществлял отпевание заключённых, присутствовал при их погребении, оставлял записи в метрической книге тюремной церкви в 1917—1918 годах.

Погребения арестантов, как и прочих «градских жителей» Тулы, осуществлялись на Всехсвятском городском кладбище, где был отведён специальный участок. «Метрическая книга об умерших 1913—1918 гг.», сообщая о причинах смерти заключённых Тульского тюремного замка, дополняет представления о событиях, происходивших в городе в 1917—1918 годах. Так, например, судя по всему вскоре после того как тульские большевики «вотировали власть Советов» в тюрьме произошёл бунт.

При бунте в тюрьме 28 декабря 1917 года были убиты трое. Мещанин г. Тулы Алексей Михайлов Смекаев он же Шавырин Павел, 24 года. Рязанской губернии и уезда Спасско-Лепиковской волости села… (?) крестьянин Александр Александров Мазанов, 24 года. Тульской губернии Ефремовского уезда Старо-Казачьей волости деревни Скоро-

варовки крестьянин Василий Петров Попов, 32 года. Все убитые были погребены в январе 1918 года на Всехсвятском кладбище города Тула (ГАТО. Ф. 256. Оп. 1. Д.2458. Л. 25 об., 26).

Данные метрической книги Покровской тюремной церкви подтверждаются другими источниками. «28 числа, в губернской тюрьме заключённые предприняли попытку поднять бунт и освободиться. Бунт подавили. Любопытно, что только за день до бунта служащие тюрьмы провели праздник с новогодней ёлкой. Несмотря ни на что, люди хотели веселиться...» [2].

Следует уточнить, что вероятнее всего обитатели тульского «тюремного замка» встречали праздник не с «новогодней ёлкой» но с рождественской. Дело было не столько в «желании людей веселиться», сколько в следовании сложившемся религиозным традициям, несмотря на обстоятельства времени.

Приверженность православию, кроме прочего, подразумевала, что смерть и погребение должны сопровождаться священником, а самыми престижными местами для предания земле будут места рядом с храмами или в самих храмах, лучше всего - монастырскими. На кладбище вокруг Успенского храма тульского Успенского монастыря, существовавшего, по меньшей мере, с середины XVII века, погребались не только его насельницы, но многие жители Тулы и ее окрестностей. В XIX веке кладбищем обители было «всё пространство площади, не занятой церковными строениями и кельями сестёр» [1, с. 192]. Продолжали здесь хоронить и в XX столетии.

Религиозным традициям православия продолжали следовать и в 1917 году. Так, в декабре 1917 умер дворянин штабс-ротмистр Александр Александрович Павлов, 62 года от воспаления лёгких. Он был погребён на монастырском кладбище (ГАТО. Ф. 256. Оп. 1. Д. 2870. Л. 7 об., 8).

Здесь же, на кладбище рядом с Успенским собором тульского Успенского монастыря в самом конце революционного 1917 года, был погребен Митрофан Васильевич Ладыженский (Лодыженский) (1852—1917) — русский писатель и религиозный философ, секретарь Российского Теософского общества и «рациональный мистик»; дворянин Чернского уезда и статский советник, умерший 27 декабря 1917 — через десять дней после прихода к власти большевиков-атеистов — «от кровоизлияния в мозг» (ГАТО. Ф. 256. Оп. 1. Д. 2870. Л. 7 об., 8). Могила не пережившего «переходный период» к установлению советской власти религиозного философа не сохранилась, однако остатки монастырского

кладбища, в том числе и некие «склепы» по свидетельствам очевидцев сохраняются в Туле, по меньшей мере, до второй половины XX века.

Успенский женский монастырь в Туле был закрыт согласно Декрету СНК от 23 января 1918 года «Об отделении церкви от государства и школы от церкви». Однако монастырь не прекратил своего существования, в 1918 году его насельницы создают белошвейную мастерскую, которая выполняла заказы Губодежды [10, с. 94, 95]. Живших здесь же, в старых монастырских корпусах и кельях, «белошвеек» погребают по-прежнему как монахинь.

В марте 1918 года на монастырском кладбище погребается Тульского Успенского женского монастыря схимонахиня Феодосия, в миру Елизавета Николаева Чижова, девица из мещан, умершая в возрасте 50 лет, «от горловой чахотки» (ГАТО. Ф. 256. Оп. 1. Д. 2870. Л. 9 об., 10). В июне 1918 — послушница Успенского женского монастыря Анна Николаева Исаева, скончавшаяся от той же от чахотки в 18 лет от роду (ГАТО. Ф. 256. Оп. 1. Д. 2870. Л. 10 об.,11). В августе 1918 — монахиня Успенского женского монастыря Геннадия, в миру Варвара Ивановна Засецкая, умерла от тифа в 59 лет (ГАТО. Ф. 256. Оп. 1. Д. 2870. Л. 11 об., 12).

Монахинь бывшего Успенского монастыря хоронят наряду с прочими городскими обывателями и на Всехсвятском кладбище. Здесь погребена умершая «от инфлюэнцы» в октябре 1918 года послушница Успенского монастыря Ольга Васильева Земцова (ГАТО. Ф. 256. Оп. 1. Д. 2870. Л. 13 об., 14). Также здесь упокоились скончавшиеся от сыпного тифа в январе 1919 г. послушницы Татьяна Дмитриева Нефёдова («из крестьян девица») и Ирина Васильева Орехова — а с ними умершая от чахотки того же монастыря монахиня Антония (в миру Анна Иванова Елагина, из крестьян) (ГАТО. Ф. 256. Оп. 1. Д. 2870. Л. 17 об., 18). На православном Всехсвятском кладбище в феврале 1918 года обрела последнее пристанище дочь священника Единоверческой церкви Алексея Фёдоровича Соколова, «отроковица Антония», умершая в возрасте 14 лет от воспаления лёгких (ГАТО. Ф. 256. Оп. 1. Д. 2870. Л.18 об., 19).

Материалы Тульского некрополя и прежде всего сохранившиеся метрические книги позволяют утверждать, что в 1918—1919 годах среди причин смерти в Туле часты болезни — воспаление лёгких, оспа, скарлатина, чахотка (то есть туберкулёз), «инфлюэнца» (устаревшее название гриппа), или «испанка» (испанский грипп, распространившийся в 1918—1919 годах). «От старости» в Туле в это время умирают редко и немногие. Жертва-

ми болезней нередко становятся дети — так от «воспаления лёгких при испанке» в октябре 1918 года умирают сын (пяти с половиной лет) и дочь (трех лет) «гражд. Московской губ. Серпуховск. уезда Васильевской волости села Лукина» Сергея Алексеевича Вареного (?) (ГАТО. Ф. 256. Оп. 1. Д. 2074. Л. 1 об., 2). В декабре того же года ребёнок может умереть «от природной слабости» (девочка двух недель от роду) или «от дифтерита» (девочка два года) (ГАТО. Ф. 256. Оп. 1. Д. 2074. Л. 7 об., 8).

Приметой времени становится смерть от сыпного тифа. От тифа умирают и миряне, и монахини и заключённые «тюремного замка». В тульской тюрьме от сыпного тифа в мае 1918 года умирает гражданин деревни Захаровки Крапивенского уезда Потёмкинской волости Василий Козьмин Бубенин, возраст — 35 лет.

Также от сыпного тифа и тоже в мае 1918 умер Матвей Сергеев Морозов (19 лет), гражданин деревни Больших Барсуков Хрущёвской волости Тульского уезда (ГАТО. Ф. 256. Оп. 1. Д. 2458. Л. 27 об., 28).

От «возвратного тифа» летом 1918 года [июль] умер приписанный Покровской волости и села Богородицкого уезда гражданин Пётр Васильев Горшков, ему было 24 года (ГАТО. Ф. 256. Оп. 1. Д. 2458. Л. 28 об., 29).

От тифа умирают и врачи. В конце 1918 года тульский врач Иван Рудольфович Дрейер (Дреер) (1887—1919) заразился от больных сыпным тифом, а 4 января 1919 года его не стало: Дрейеру был 31 год. Газета «Коммунар» писала: «4 января умер от сыпного тифа доктор Дрейер: Молодой, энергичный, честный, отзывчивый, многообещающий врач: Мы, чрезвычайная санитарная комиссия, от граждан Тулы низко кланяемся праху этого доброго врача. Пусть светлая память о нем будет долгой и пусть она будит в нас то, что было в покойном: доброе чувство к ближнему и жажду работы для народа». «Короткой но яркой была жизнь Ивана Дреера. Он лечил бедняков бесплатно… Но в 1919 г… он умер от сыпного тифа…» [5, с. 6].

Данные статистики подтверждают факт тяжелой эпидемиологической обстановки в Туле после 1917 года. Так, в 1919 году в городе был зарегистрирован 22431 случай сыпного тифа, а показатель заболеваемости составил 17254, 0 (только в течении апреля 1919 г. по городу было зарегистрировано 4927 случаев сыпного тифа) [5, с. 99].

Кроме тифа другой хворью, косившей преимущественно заключённых, стала «болезнь сердца». В 1918 году паралич сердца губил и старых и молодых. В апреле 1918 года

едва дожив до 24 лет «от паралича сердца» умер Полтавской губернии села… (?) крестьянин Андрей Михайлов Косуля (?) (ГАТО. Ф. 256. Оп. 1. Д. 2458. Л.26 об., 27). В мае 1918 года «от паралича сердца» умер крестьянин Московской губернии села… (?) Илья Матвеев Александров, ему был 31 год (ГАТО. Ф. 256. Оп. 1. Д. 2458. Л. 26 об., 27). В это же время по той же причине («паралич сердца») умирает молодой, девятнадцати лет от роду, Каширского уезда Боготищевской волости с. Б. Руново крестьянин Яков Семёнов Архипов. А в мае 1918 г. «от порока сердца» умирает восемнадцатилетний Тульского уезда села Хрущёво гражданин Пётр Николаев Щелчков (ГАТО. Ф. 256. Оп. 1. Д. 2458. Л. 27 об., 28).

Голод и плохое питание также становятся распространённой причиной смерти. В июне 1918 года гражданин Каширского уезда… деревни Круглопесочной (?) Василий Евсеев Миронов, 28 лет, умер «от хронической болезни лёгких и последовавшего истощения» (ГАТО. Ф. 256. Оп. 1. Д. 2458. Л. 28 об., 29). Интересно, что перемены затрагивают тюрьму многообразно - с апреля 1918 года даты в метрической книге «Покровской при тульской тюрьме церкви» даются в двух вариантах — «по старому» и «по новому» стилю.

В ряду болезней со смертельным исходом в 1918—1919 годах под причиной смерти нередко обозначен поезд или железная дорога. Например, от тифа, в возрасте 48 лет 26 октября 1918 года умерла «гражданка г. Тулы Ольга Дионисьевна Леонтьева» (ГАТО. Ф. 256. Оп. 1. Д. 2074. Л. 6 об., 7). И тут же рядом в метрической книге запись о том, что в том же октябре 1918 года «гражданка Калужской губ[ернии] Мосальского уезда Чертенской вол[ости] села Чертени Елена Петрова Новикова», 33 лет от роду умерла «в поезде от разрыва сердца» (ГАТО. Ф. 256. Оп. 1. Д. 2074. Л. 1 об., 2).

Гражданка «Моск[овской] губ[ернии] Подольского уезда, Кленовской вол[ости] деревни Овечкиной Елена Стефановна Митина» умерла «от паралича сердца» (ГАТО. Ф. 256. Оп. 1. Д. 2074. Л. 12 об., 13). Кажется, она умерла также во время следования по железной дороге — её погребают «по разрешению Чрезвычайной Комиссии станции Тула». Можно только предполагать какие обстоятельства привели к остановке сердца пожилой (50 лет) женщины и почему для погребения потребовалось разрешение ЧК, однако очевидно, что эту смерть нельзя считать вполне естественной хотя бы в силу смерти гражданки из Московской губернии поблизости от Тульской железнодорожной станции. Сразу за ней на Всехсвятском градском кладбище погребают ещё одну «иногороднюю», по всей вероятности также застигнутую смертью в дороге но умершую по причине необычной для

пассажирки поезда. «Гражд[анина]Чернского уезда Чернослободской вол[ости] села Черноусова Николая Варфоломеева Зайцева жена Екатерина Васильева» в возрасте 36 лет «умерла от родов» (ГАТО. Ф. 256. Оп. 1. Д. 2074. Л. 12 об., 13).

Поезда становились причиной несчастных случаев и переносчиком тяжёлых болезней. Ещё в 1910 году отмечалось, что случаи заболевания «несомненной азиатской холерой» в Туле «имели связь с железной дорогой», так один из двух случаев наблюдался «у арестанта, привезённого из Дербента 17-го июня; он с вокзала уже больным был доставлен в тюрьму где и умер… Второй случай холеры в Туле наблюдался также у арестанта привезённого из Полтавы ещё здоровым 21 июля; заболевший был помещён в Ваныкинскую городскую больницу, где и умер 30 июля… Всего в Тульском уезде за время с 17-го июля по 31-е августа наблюдалось 7 заболеваний холерой, из которых 6 умерли и 1 выздоровел. Заболеваний местного характера не наблюдалось и все имели связь с железной дорогой» [9, с.4—7].

Холерой в Туле болели и в 1918—1919 годах, также при следовании через город «пересыльных» арестантов. Пересыльный арестант мещанин города Спасска Рязанской губернии Яков Андреев Никольский, в 65 лет умер в Туле от паралича сердца вследствие «старческого недуга». Его ровесник шестидесятипятилетний пересыльный Иван Фёдоров Рябов, крестьянин Суходольской волости деревни Павловки Алексинского уезда, умер в тульской тюрьме от паралича сердца «вследствие старости» (ГАТО. Ф. 256. Оп. 1. Д. 2458. Л. 25 об., 26).

Таким образом, метрические книги тульских церквей, сообщая «от чего умер» тот или иной гражданин или гражданка позволяют говорить и о некоторых случившихся после 1917 года изменениях в их жизни. Мы видим, что на главном «градском кладбище» Тулы в это время погребались представители всех сословий, - и крестьяне, и заключённые и монахини, — не только туляки и не всегда умершие от естественных причин. Часто скончавшиеся скоропостижно: только некоторых перед смертью успевал исповедать и причастить священник Всехсвятской кладбищенской церкви Александр Михайловский.

Некоторых и отпевали не в самой церкви, а в «часовне при ж. д. больнице», куда например, в ноябре 1918 «доставили» несколько человек, среди которых оказались «граждане» Калужской, Костромской, Тамбовской, Казанской губерний и трое «неизвестного звания» (ГАТО. Ф. 256. Оп. 1. Д. 2074. Л. 3 об., 4). Вообще зимой 1918—1919 годов «лица неизвестного звания» погребались в Туле почти каждый месяц. Упомянутая тульская

«ж. д. больница» была основана в 1867 году и располагалась в одноэтажном деревянном здании в районе завода железнодорожного машиностроения [изначально мастерские по ремонту паровозов, современный адрес ул. Привокзальная, 25]. Больница была рассчитана на амбулаторный приём и стационар 15—20 коек, в нём находились хирургические, терапевтические больные и роженицы. Несколько позднее построен барак для инфекционных больных, морг и прачечная. Штат больницы включал врача, трёх фельдшеров и сторожа [8, с. 3].

С разрешения Чрезвычайной комиссии станции «Тула» и Санитарного совета железнодорожной больницы при этой же больнице в январе 1919 погребены «16 трупов неизвестных сгоревших в вагоне на станции «Ревякино». Всего в январе 1919 года «умерло мужчин 8, женщин 5, неизвестных 16» а всего 29 человек (ГАТО. Ф. 256. Оп. 1. Д. 2074. Л. 9 об., 10). В феврале 1919-го умерло мужчин 14, женщин 12 «да кроме них двадцать девять лиц неизвестного звания…» (все 29 отпеты в часовне «при ж. д. больнице»), всего умерших 55 человек (ГАТО. Ф. 256. Оп. 1. Д. 2074. Л. 12 об., 13). В марте 1919 г. в часовне железнодорожной больницы отпеты сначала 12 «трупов неизвестного звания лиц», потом сорок пять, а потом ещё 17 (?). Итого в марте 1919 года умерло «мужеского пола шестнадцать», «женского пола пять», «а кроме сих без обозначения пола умерло 74 человека» а всего 95 человек (ГАТО. Ф. 256. Оп. 1. Д. 2074. Л. 15 об., 16). Теперь мы можем только гадать, кто были эти неизвестные, что стало причиной их смерти и почему при записи в «Метрическую книгу» они не относились ни к мужчинам, ни к женщинам. Однако уже то, что их отпевали в часовне при железнодорожной больнице, рядом с мастерскими по ремонту паровозов, позволяет предполагать, что все эти «неизвестного звания лица» были сняты с проходящих поездов или погибли рядом с железной дорогой. Как, например, гражданин Тульской губернии Новосильского уезда Судьбищенской волости деревни Верхне-Сторожевой Михаил Иванович Дементьев (26 лет). Который 30 декабря 1918 года был «застрелен случайно» и 2 января 1919 года похоронен на Мясновском кладбище «по решению Совета железнодорожных депутатов» (ГАТО. Ф. 256. Оп. 1. Д. 2074. Л. 7 об., 8).

Причиной погребения кого-либо на приходском кладбище при церкви Казанской божьей матери села Мясного, прежде всего, была близость последнего к паровозным мастерским и к Тульской станции Московско-Курской железной дороги. Паровозы, поезда и железные дороги в нашей стране, судя по всему, приобрели особое значение после 1917 года. От Москвы до Курска и далее и в 1918 г. и в 1919 г. по железной дороге перемеща-

лись несчётные людские массы всех возрастов и званий, но не всем посчастливилось добраться до конечной станции.

Умер в дороге в октябре 1918 года 25-и летний «гражданин Белёвского уезда Мишино-Полянской волости дер. Земляковой» (?) Аннаньев (?), причина смерти — «сгорел в вагоне» (ГАТО. Ф. 256. Оп. 1. Д. 2074. Л. 6 об., 7). В декабре 1918 года погибла «гражд. девица Тульской губ. Крапивенского уезда Потёмкинской волости дер. Сумроменки (?) Федосия Гаврилова Андреева» восемнадцати лет — ровесница века «убита поездом» (ГАТО. Ф. 256. Оп. 1. Д. 2074. Л. 6 об., 7). Вероятно на Тульской станции в январе 1919 года скончался «Самарской губ. Бугульминского уезда Варваринской вол[ости] села Кичуя (?) гражданина Ильи Павлова Хваткова» (?) пятилетний сын — «от обжога кипящей воды» (ГАТО. Ф. 256. Оп. 1. Д. 2074. Л. 8 об., 9). В следующем месяце «от полученных повреждений на ж. д.» в Туле умирает гражданин из деревни Владимирской губернии Григорий Иванов Великанов (31 год) (ГАТО. Ф. 256. Оп. 1. Д. 2074. Л. 10 об., 11). В феврале 1919 г. «гражданка девица» Екатерина Петрова Гаврилова из деревни Московской губернии в 21 год умирает «от повреждений ноги поездом» (перед смертью успела исповедаться и причаститься) (ГАТО. Ф. 256. Оп. 1. Д. 2074. Л. 11 об., 12). Среди умерших и погибших в марте 1919 года — гражданина из деревни «Ярославской губ. и уезда» Феодора Яковлева Голубева дочь Анна 17 лет, скончавшаяся «от повреждений головы причинён[ных] поездом» (ГАТО. Ф. 256. Оп. 1. Д. 2074. Л. 15 об., 16). Гражданин из Орловской губернии Андрей Николаевич Завидов (?) пополнил список скоропостижно скончавшихся в апреле — «упал с поезда коим и задавлен» (ГАТО. Ф. 256. Оп. 1. Д. 2074. Л. 16 об., 17). В апреле 1919 г. «от тяжёлых повреждений полученных на ж. дороге» умер крестьянин Тульской губернии Фёдор Иванов Фролов (ГАТО. Ф. 256. Оп. 1. Д. 2074. Л. 17 об., 18.). Добравшись до Тулы из Владимирской губернии здесь «с разрешения начальника ж. д. милиции» на Всехсвятском «градском кладбище» в мае 1919 г. погребается Мария Фёдорова Крашенинникова, умершая в шестьдесят три года «от полученных повреждений на ж. дороге» (ГАТО. Ф. 256. Оп. 1. Д. 2074. Л. 19 об., 20). Не добравшись даже до вагона гражданка Елена Васильева Большедонова (?) «задавлена поездом» (ГАТО. Ф. 256. Оп. 1. Д. 2074. Л. 21 об., 22). А следовавшая из Тверской губернии гражданка Евдокия Алексеева Леонтьева умирает сама но «от полученных повреждений на ж. дороге» (ГАТО. Ф. 256. Оп. 1. Д. 2074. Л. 21 об., 22). Двигаясь по железному пути люди умирают от разрыва серд-

ца, при родах или, как погребённая в июне 1919 г. на придорожном Мясновском кладбище «гражданина Тульской губернии» жена, «от женской болезни» (ГАТО. Ф. 256. Оп. 1. Д. 2074. Л. 21 об., 22).

Читая скупые строчки метрических книг за 1918—1919 гг. видишь, что после того как в Тульской губернии к власти пришли большевики, жители этой и многих других губерний сели в поезда в которых перевозят домашний скарб и домочадцев, болеют тифом и инфлюэнцей, греются около буржуек и даже пытаются рожать. И в независимости от целей пути то и дело гибнут — попав под колёса или сорвавшись с подножек, сгорев в тифозной горячке или от неизвестной прежде болезни-испанки или вместе со всем вагоном при неосторожном обращении с буржуйкой, будучи ошпаренным кипятком или «случайно застреленным».

Данные метрической книги Всехсвятской кладбищенской церкви подтверждаются другими источниками. Документы личного происхождения, например, мемуары князя Кирилла Николаевича Голицына (1903—1990), проживавшего в 1919 году в Тульской губернии, также говорят о перемещении по железным дорогам большого количества людей и крайне сложной обстановке на тульских железнодорожных станциях. «Ничтожно малое количество пассажирских поездов и полное отсутствие твердого расписания создавали на железных дорогах огромные скопления людей... В Туле на вокзале — толпы ожидающих и полная неосведомленность станционного персонала о том, когда будет поезд в нужном направлении..» [3, с. 121—146].

Воспоминания старого большевика, лично командовавшего продотрядами, сообщают о проводившихся тульскими большевиками в 1918—1919 гг. отцепках вагонов с продовольствием и «реквизициях» продовольствия у «мешочников» прямо на железнодорожных станциях. При таких «реквизициях» железная дорога становилась смертельно опасной. «Во время производства отбора… я получаю удар каким-то твёрдым предметом по лицу… налетают выскочившие мешочники из вагонов и наносят мне удар за ударом, в толпе раздавались возгласы: убить его…», только после того как подоспевший продотряд «для водворения порядка пропустил поленты» из пулемёта «мешочники сами усадились в вагоны» [19, с. 74, 75].

Мобильность населения и перебои со снабжением, возможно, стали одной из причин жесткой политики большевиков, во многом вынужденных действовать «военными

методами» и производить «отбор продовольствия» непосредственно на железнодорожных станциях. «Для борьбы с саботажем железнодорожников и для урегулирования вообще движения на железных дорогах Военно-революционным комитетом был назначен специальный комиссар железных дорог Тульского узла…» [14, с. 54].

Обстановка когда город «распустился донельзя», вооружённые нападения, бунты и сама их возможность заставляла большевиков действовать быстро и решительно. Можно сказать, что экстраординарность повседневности заставляла новые власти искать новые возможности для решения насущных проблем, для подавления недовольства тех, кого эти методы не устраивали и для создания новой системы исправительного воздействия на всех потенциально недовольных взамен ненадёжной прежней пенитенциарной системы. «Насилие выступало как универсальный способ, которым решался целый ряд задач в процессе революционной борьбы» [13, с. 9].

Орган «революционного правосудия», Губернский революционный трибунал (ТГРТ) был образован в Туле 27 января 1918 года. «Изначально его компетенция была очерчена рамками «борьбы против контрреволюционных сил, решения дел о мародёрстве и хищничестве, саботаже и прочих злоупотреблениях торговцев, промышленников, чиновников и пр. лиц»… Согласно отчётности Тульский ревтрибунал в разряд контрреволюции включал антисоветскую агитацию, крестьянские восстания и политический бандитизм (убийства должностных лиц)…» [6, с. 62].

Под «контрреволюцией» мог пониматься достаточно широкий спектр действий. На смену губернскому «тюремному замку» приходят концентрационные лагеря. Первый тульский концлагерь возникает уже в сентябре 1919 года. «С 28 сентября по 12 октября 1919 г. в лагерь было принято 194 человека: 132 человека из губернского места заключения и губчека, 23 человека поступили из г. Ефремова Тульской губернии, остальные из Ярославля и Старого Оскола... Большинство прибывших заключенных — 103 человека — были местными жителями, арестованными губчека в качестве заложников…» [13, с. 48—65].

Следует иметь в виду, что к насилию часто заставляла прибегать не столько сама стремительно меняющаяся повседневность, сколько поспешные попытки её изменить. «Конфликты, возникавшие на оборонных предприятиях Тулы в 1918—19121 гг., кроме непосредственных побудительных причин в виде недостаточного уровня питания и т.д. имели более глубокую основу, заключавшуюся в столкновении традиционности сознания

и ритма жизни тульских рабочих и новых форм поведения, которые им стремились привить большевики» [12, с. 83]. При этом «традиционность сознания» и приверженность большинства наделения религиозным традициям заставляла большевиков использовать язык близкий образному строю народной религиозности.

Когда Тульский губернский комитет РКСМ в 1920 году организовывал «Вечер Коперника» в клубах РКСМ Тулы, он требовал «не допускать, чтобы посторонним материалом раздвигалось у слушателей целостность впечатлений о мучениках науки и их деле…» (ГАТО. Ф. 108. Оп. 1. Д. 31. Л. 20). Для достижения поставленной цели предлагались следующие доклады: «Отчего начался у нас белый свет», «Отчего у нас солнце красное», «Отчего у нас млад-светел месяц», «Отчего у нас звёзды частые», «Отчего у нас зори светлые»… (ГАТО. Ф. 108. Оп. 1. Д. 31. Л. 21).

Названия докладов в клубах рабочей молодёжи Тулы почти буквально повторяют строки русских духовных стихов. В одном из таких произведений народного религиозного творчества рассказывается, что после того как из тучи «выпадает книга Голубиная» собирается «много народу, християн православных» и просят «премудрого царя» Давыд Евсеевича:

«Прочти, сударь, книгу Божию,
Объяви, сударь, дела Божие…
От чего у нас зачался белый вольный свет?
Отчего у нас солнце красное?
Отчего у нас млад-светёл месяц?
От чего у нас звёзды частые?
От чего у нас ночи тёмные?» [4, с. 17]

Обстоятельства смерти и погребения в Туле после 1917 года во многом лучше позволяют представить повседневную жизнь рядовых граждан революционной эпохи. Голод, болезни, экспроприации, бунты, переполненные пассажирами поезда, противоестественная смерть и перманентное насилие становятся зримыми приметами революционной эпохи.

Можно сделать вывод, что изменения в повседневной жизни, происходящие в течение всего 1917 года, заставили большевиков после прихода к власти действовать жестко и решительно, вместе с тем представляется, что к насилию часто заставляла прибегать не столько сама стремительно меняющаяся повседневность, сколько поспешные попытки её изменить «ножом революции».

А городская повседневная жизнь упорно сохраняла рождественскую ёлку, церковное отпевание при погребении и язык «духовных стихов» в рассказах о новой жизни. Большевики ломали «старую жизнь» чтобы расчистить место под коммунистическое царство справедливости но «традиционность сознания» и сложившиеся под влиянием Церкви практики повседневности делали их цели похожими на религиозную утопию, «Опоньское царство» русских духовных стихов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Государственный архив тульской области (ГАТО). Ф. 108. Оп. 1. Д. 31.; Ф. 256. Оп.1. Д. 2074, 2458, 2870.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Андреев Н. Успенский женский монастырь (Из Тульских Губернских Ведомостей 1852-го года) // Святые храмы города Тулы. Историко-статистическое описание. Сб., составленный под редакцией Н.И. Троицкого и Ю.В. Арсеньева. Тула, 1888.

2. Байбакова Е. Бунты, голод, погромы... О событиях февраля 1917 г. в Тульском крае // История. 2007. № 20. Режим доступа: http://his.1september.ru/article.php?ID=200702006 (дата обращения 17.03.2017 г.).

3. Голицын К.Н. Записки князя Кирилла Николаевича Голицына. М., 1997.

4. Голубиная книга. Русские духовные стихи. СПб., 2010.

5. История здравоохранения Тулы. Материалы научно-практической конференции. Тула, 1991.

6. Макутчев А. Опыт чрезвычайного правосудия в Тульской губернии: Тульский губернский революционный трибунал в 1918—1923 гг. // Тульский краеведческий альманах. 2009—2010. № 7.

7. Октябрьский переворот в Туле. Тула, 1924.

8. Отделенческая больница на станции Тула. ОАО «Российские железные дороги». Из истории больницы. Тула, 2007.

9. Отчёт о холере 1910 года. Тула, 1910.

10. Понарин В.П. Ликвидация Успенского женского монастыря в Туле (1921—1924 гг.) // Тульский краеведческий альманах. 2007. Вып. 5.

11. Российская повседневность: вторая половина XIX — начало XXI века: учеб. пособие / Под ред. Л.И. Семенниковой. М., 2011.

12. Смирнов Ю.Ф., Володин С.Ф. Тульские концентрационные лагеря принудительных работ в 1919—1921 гг.: организация, эффективность, повседневность. Калуга, 2013.

13. Смирнов Ю.Ф. Тульские концентрационные лагеря принудительных работ в 1919—1923 гг.: принципы организации, цели создания, динамика существования // Тульский краеведческий альманах. 2014. Вып. 11.

14. Сорокин А. Из истории Семнадцатого года в Туле. Тула, 1925.

15. Так закреплялись завоевания Октября. Воспоминания старых большевиков об упрочении Советской власти в Тульской губернии и участии в Гражданской войне (1918—1920 гг.). Тула, 1960.

16. Тульский Синодик. Тульская епархия (1558—2009). Тула, 2010.

17. Шокарев С.Ю. Некрополь как исторический источник // Источниковедение и краеведение в культуре России. Сб. к 50-летию служения Сигурда Оттовича Шмидта Историко-архивному институту. М., 2000.

18. Юрьев А.И. Установление Советской власти в Центральном промышленном районе (конец октября — начало декабря 1917 года) // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. Вып.2. Тула, 2013.

19. X годовщина Октября (1917—1927). Сб. ст. и воспоминаний. Тула, 1927.

REFERENCES

1. Andreev N. Uspenskij zhenskij monastyr' (Iz Tul'skih Gubernskih Vedomo-stej 1852-go goda) // Svjatye hramy goroda Tuly. Istoriko-statisticheskoe opisanie. Sb., sostavlennyj pod redakciej N.I. Troickogo i JU.V. Arsen'eva. Tula, 1888.

2. Bajbakova E. Bunty, golod, pogromy... O sobytijah fevralja 1917 g. v Tul'skom krae // Istorija. 2007. № 20. Rezhim dostupa: http://his.1september.ru/article.php?ID=200702006 (data obrashhenija 17.03.2017 g.).

3. Golicyn K.N. Zapiski knjazja Kirilla Nikolaevicha Golicyna. M., 1997.

4. Golubinaja kniga. Russkie duhovnye stihi. SPb., 2010.

5. Istorija zdravoohranenija Tuly. Materialy nauchno-prakticheskoj konferencii. Tula, 1991.

6. Makutchev A. Opyt chrezvychajnogo pravosudija v Tul'skoj gubernii: Tul'skij gubernskij revoljucionnyj tribunal v 1918—1923 gg. // Tul'skij kraevedcheskij al'ma-nah. 2009—2010. № 7.

7. Oktjabr'skij perevorot v Tule. Tula, 1924.

8. Otdelencheskaja bol'nica na stancii Tula. OAO «Rossijskie zheleznye dorogi». Iz istorii bol'nicy. Tula, 2007.

9. Otchjot o holere 1910 goda. Tula, 1910.

10. Ponarin V.P. Likvidacija Uspenskogo zhenskogo monastyrja v Tule (1921—1924 gg.) // Tul'skij kraevedcheskij al'manah. 2007. Vyp. 5.

11. Rossijskaja povsednevnost': vtoraja polovina XIX — nachalo XXI veka: ucheb. posobie / Pod red. L.I. Semennikovoj. M., 2011.

12. Smirnov JU.F., Volodin S.F. Tul'skie koncentracionnye lagerja prinudi-tel'nyh rabot v 1919—1921 gg.: organizacija, jeffektivnost', povsednevnost'. Kaluga, 2013.

13. Smirnov JU.F. Tul'skie koncentracionnye lagerja prinuditel'nyh rabot v 1919—1923 gg.: principy organizacii, celi sozdanija, dinamika sushhestvovanija // Tul'-skij kraevedcheskij al'manah. 2014. Vyp. 11.

14. Sorokin A. Iz istorii Semnadcatogo goda v Tule. Tula, 1925.

15. Tak zakrepljalis' zavoevanija Oktjabrja. Vospominanija staryh bol'shevikov ob uprochenii Sovetskoj vlasti v Tul'skoj gubernii i uchastii v Grazhdanskoj vojne (1918—1920 gg.). Tula, 1960.

16. Tul'skij Sinodik. Tul'skaja eparhija (1558—2009). Tula, 2010.

17. SHokarev S.JU. Nekropol' kak istoricheskij istochnik // Istochnikovedenie i kraevedenie v kul'ture Rossii. Sb. k 50-letiju sluzhenija Sigurda Ottovicha SHmidta Is-toriko-arhivnomu institutu. M., 2000.

18. JUr'ev A.I. Ustanovlenie Sovetskoj vlasti v Central'nom promyshlennom rajone (konec oktjabrja — nachalo dekabrja 1917 goda) // Izvestija Tul'skogo gosudarstven-nogo universiteta. Gumanitarnye nauki. Vyp.2. Tula, 2013.

19. X godovshhina Oktjabrja (1917—1927). Sb. st. i vospominanij. Tula, 1927.

Рецензент:

Самарцева Е.И., докт. ист. наук, профессор, учёный секретарь Тульского государственного музея оружия.